

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2019. — Вып. 3–4 /

Глав. ред. К. В. Никифоров. — М.: Индрик, 2019. — 568 с.

ISSN 2073-5731

DOI 10.31168/2073-5731

Очередной выпуск «Славянского альманаха» (№ 3–4 за 2019 г.) отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, истории науки, истории культуры, языкознания и литературоведения. Хронологический охват материалов — от Средневековья до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

Slavic Almanac 2019. Issues 3–4 /

Ed. K. V. Nikiforov. — Moscow: Indrik, 2019. — 568 p.

This issue of “Slavic Almanach” (3–4, 2019) reflects the main directions of complex academic Slavic studies. The edition includes articles and materials on topical problematics from the history of Slavic people, history of science, history of culture, linguistics, linguistics and literary studies. The chronological span of the publications is between the Middle Ages to date. The issue will interest both researchers and a wide range of readers.

© Институт славяноведения РАН, 2019

© Коллектив авторов, 2019

© Издательство «Индрик», 2019

**Польша, Украина и Россия 1918 года
в дневнике полковника В. В. Добрынина¹**

DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.7.02

Владимир Васильевич Добрынин² родился 9 июля 1883 г. в семье офицера, происходил из казачьих дворян станицы Заплавской Области войска Донского. В 1901 г. он окончил Донской кадетский корпус, в 1904-м — Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге и вышел хорунжим в 3-ю Донскую казачью батарею. Участвовал в Русско-японской войне, был награжден орденами Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом и Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом.

Уже после Русско-японской войны проявилась склонность Добрынина к писательству: в 1908 г. в Новочеркасске он издал книгу «Донцы в Маньчжурии. Путевые, походные и боевые воспоминания и краткая историческая справка 3[-й] Донской казачьей батареи», а в дальнейшем приобрел известность как военный ученый.

В 1907 г. Добрынин был произведен в сотники с прикомандированием к управлению донской артиллерии. В этот период он принимал активное участие в исследованиях по истории Дона. В 1910 г. состоялось производство в подьесаулы, тогда же Добрынин поступил в Императорскую Николаевскую военную академию, которую окончил по 1-му разряду в 1913 г., после чего был откомандирован в штаб Московского военного округа. Некоторое время преподавал в Александровском военном училище, проходил цензовое командование сотней в 1-м Донском казачьем полку.

¹ Выражаю благодарность к. и. н. Л. В. Ланнику (Саратов) и А. В. Левченко (Чугуев, Украина) за консультации.

² Подробнее о нем см.: *Ганин А. В.* «То убожество, которое я встретил в области работы Генерального штаба на Дону, меня поразило». Неизвестное письмо полковника В. В. Добрынина генерал-лейтенанту А. К. Келчевскому от 21 апреля 1922 г. // *Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: Док. и мат. М.; СПб., 2016. С. 54–75.*

На Первую мировую войну офицер отправился старшим адъютантом штаба 53-й пехотной дивизии. Но вскоре война для него неожиданно закончилась. В чине капитана он, будучи контуженным в голову, вместе со штабом дивизии попал в плен 8 февраля 1915 г. Происходило это во время известного окружения XX армейского корпуса в Августовских лесах. Весь период плена, в течение трех с половиной лет, Добрынин вел дневник³. Вернулся домой Добрынин только в начале августа 1918 г.⁴

За боевые заслуги офицер был награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. Служба Добрынина в антибольшевистской Донской армии началась с должности начальника разведывательного отделения штаба Донской армии, которое он возглавил уже 1 (14) августа 1918 г. Отстав по службе от своих сверстников по причине плена, Добрынин стал наверстывать упущенное. Через месяц службы, 31 августа (13 сентября) 1918 г., он был произведен в подполковники. В том же году последовало производство в полковники со старшинством с 5 (18) октября 1918 г. Дальнейших повышений в чине за всю Гражданскую войну он не получал, но 23 июня (6 июля) 1919 г. был награжден орденом Св. Владимира 2-й ст. 27 июня (10 июля) 1919 г. Добрынин был назначен начальником оперативного отделения штаба Донской армии. На этой должности Добрынин оставался практически до своего ухода со службы весной 1920 г. В связи с реорганизацией Донской армии после эвакуации из Новороссийска в марте 1920 г. в отдельный Донской корпус должность начальника оперативного отделения, которую занимал Добрынин, была упразднена, а сам он приказом № 144 от 25 марта 1920 г. был командирован за границу с особым поручением⁵. Ввиду невозвращения в Крым в октябре 1920 г. офицера исключили с военной службы⁶.

В эмиграции Добрынин оказался сначала в Югославии, а затем в Чехословакии. Состоял в Союзе русских военных инвалидов, Обществе офицеров-артиллеристов, был членом Донской казачьей станицы в Праге. Добрынин активно участвовал в военно-научной деятельности, завоевав репутацию видного военного писателя Русского Зарубежья. Список трудов Добрынина обширен. Только за 1918–1932 гг.

3 ГАРФ. Ф. Р-6838. Оп. 1. Д. 1.

4 Там же. Л. 138.

5 РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 86. Л. 64.

6 Там же. Л. 149.

он насчитывает не менее 68 наименований⁷. Умер Добрынин в Праге 29 октября 1939 г. и похоронен на Ольшанском кладбище.

Вниманию читателей предлагается заключительная часть дневника В. В. Добрынина, охватывающая последние недели его пребывания в германском плену и возвращение из плена летом 1918 г. через территорию гетманской Украины на Дон. Этот фрагмент, содержащий путевые впечатления, интересен как источник по истории Гражданской войны на Украине и Юге России. Особенно яркие описания относятся ко времени пребывания автора дневника в Киеве, а также к его взаимодействию с представителями украинской власти. Судя по одному из комментариев, Добрынин подверг свой дневник незначительной правке в эмиграции, в 1922 г.

Документ публикуется по рукописи, хранящейся в Государственном архиве Российской Федерации. Публикация осуществлена в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала. Явные ошибки исправлены без оговорок.

*Вступительная статья,
публикация и комментарии д. и. н. А.В. Ганина*

18/31 мая⁸.

Идут кой-какие приготовления к возвращению домой. Более громоздкие вещи сдаются на хранение в местную немецкую контору. На руках остается только ручной багаж.

23 мая (5 июня).

Экстренно уехала в Россию первая партия в 16 человек.

24 мая (6 июня).

Вторая партия в 13 человек [уехала]. Получил письмо из Молодечно от одного из своих коллег, бывших в Стральзунде. Едем домой. Один из наших, отправленный в Стральзунд 1/2 года тому назад для отправления в нейтралы, вчера появился вновь у нас. После Стральзунда он побывал в нескольких лагерях.

27 мая (9 июня⁹).

Объявление немцами «милостей»:

7 ГАРФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 172. Л. 37–38.

8 Даты по старому и новому стилю.

9 В документе ошибочно — 8 июня.

- 1) Сокращение проверок; отставлена 1; при плохой погоде проверка будет в здании;
- 2) Увеличение писем до 4, а открыток — до 6;
- 3) Штаб-офицеры освобождены от проверки;
- 4) Разрешена переписка с находящимися в плену родственниками;
- 5) Письма будут отправляться, не выдерживая их 2 недели в комендатуре;
- 6) Посылки будут вскрываться лишь на выдержку, а не все;
- 7) Разрешено иметь у себя бритвы, что раньше официально не допускалось, но, конечно, не исполнялось, как явно абсурдное установление тупоголовых немцев;
- 8) Обещание увеличить число и продолжительность прогулок;
- 9) Разрешены вольные прогулки всем старшим офицерам: вы сдаете свою подписку и уходите, куда угодно, хоть на целый день; мера, действительно вносящая громадную льготу и удобство; когда я вышел первый раз на такую прогулку, то никак не мог поверить, что я не во сне; мне все казалось, что часовой опомнится и бросится меня догонять. Из этих прогулок многие выносят громадную пользу в смысле добычи продовольствия.

6/19 июня¹⁰.

Еще 5 уехали в Россию...

3/16 июля.

Как-то не верится. Сiju в уютном номерке гостиницы небольшого германско-польского пограничного городка и пишу эти строки. Последний месяц прожил как во сне. Однажды, дату не помню, пришел переводчик и заявил, что я получил разрешение властей на отправление в Россию. Донской атаман ген[ерал] Краснов¹¹ заключил соглашение с немцами об обмене пленных немцев на своих казаков.

Несколько дней спустя после этого разговора к нам в лагерь прибыли два наших донца из другого лагеря; объявили, что мы 3 будем отправлены вместе. Сборы, волнения, ожидания и, наконец, сегодня мы вырвались из нашей тюрьмы.

Очень характерная подробность.

¹⁰ В документе ошибочно — мая.

¹¹ Краснов Петр Николаевич (10.09.1869–16.01.1947) — из казаков станицы Каргинской Области войска Донского, генерал от кавалерии. Войсковой атаман Донского казачьего войска (1918–1919).

Вчера я крикнул в окно нашему соседу-мальчугану:

— Конрад! Завтра я еду домой в Россию.

Мальчугана поразило это сообщение.

— *Warten Sie!*¹² — погрозил он пальчиком и исчез в доме.

Через минуту я его увидел крадущимся в кустах своего сада с подаренной ему когда-то нами скрипкой.

— *Abschiedslied!*¹³ — пролепетал он и заиграл какую-то мелодичную немецкую песенку. Это было так трогательно и приятно: мальчуган, которому мы подарили скрипку как игрушку, уже играл¹⁴.

В день отъезда вся семья собралась на улице, и сдержанно, но радушно детишки высказали нам свои сердечные пожелания.

— Когда будет мир, мы встретимся друзьями, — сказали они мне на прощанье и послали воздушные поцелуи. Все это было сделано так выдержанно, спокойно, что не дало никакого повода конвоиру вмешаться в нашу беседу. Мы взгромоздились на объемистый немецкий редван¹⁵ и при криках своих друзей и маленьких немчиков двинулись от ворот нашей тюрьмы, где просидели три долгих, долгих тяжелых года.

4/17 июля. Варшава.

Роскошный отель «Континенталь». Шумный, нарядный и оживленный город, изящные женщины. Все смотрят на наше шествие: трое русских офицеров и немецкий фельдфебель.

— Не стыдно вам? — шепчет мне какая-то дама, долго шедшая рядом с нами со своим кавалером.

— В чем дело? — недоумеваю я.

— Да ведь вы же в компании с людьми, погубившими вашу Родину! опять на чисто русском языке говорит дама.

— В какой компании? — спрашиваю я.

— Очевидно, вы «сдались на милость победителей», — язвит моя новая собеседница, — и идете помогать им в деле разрушения Родины.

Разговор этот меня заинтересовал. Мы объяснились, и дама, поняв свою ошибку, долго и сердечно извинялась.

12 Подождите! (нем.).

13 Прощальная песня (нем.).

14 Уже в 1921 году мне удалось списаться с его семьей, и я узнал, что он стал хороший скрипач (примеч. В. В. Добрынина). Далее зачеркнуто: и учился этому делу в особой школе.

15 От нем. *Reitwagen* — повозка.

— Так вы едете домой, на Дон?

— Да, на Дон.

— А ваша фамилия? Ведь я тоже донская казачка!

— Добрынин.

— Каких Добрыниных?

У нас на Дону все друг друга знают. Оказалось, что моя новая знакомая отлично знает всю мою семью и родственников. Обещала написать через меня письмо...

Забавная встреча.

Что поразило нас в Варшаве после убогой Германии, это обилие всяких продуктов, отсутствие карточной системы. Все дорого, но всего вдоволь.

Во время сытного обеда на Варшавском вокзале аналогичный разговор произошел с красавицей полькой-кельнершей:

— Как трогательно, — прошипела она, — недавние враги, а ныне — друзья...

В дальнейшем разговоре выяснилось недоразумение, а также выяснил я и ту сурьмяную ненависть, которой пылала красавица-паненка к своим «освободителям».

— Скажите, пожалуйста, и многие поляки ненавидят так немцев, как вы? — спросил я свою собеседницу.

— Все как один человек, — сверкая глазами, заявила паненка.

— Ну, нечего сказать, «освободили», — злорадно подумал я, глядя на нашего конвоира-фельдфебеля, уплетавшего на наш счет сытный обед. В пути только обратили внимание на жадность, с которой он глотал шипящий ростбиф, и вспомнили его дорожные рассказы. Из них я понял, что Германия голодает, что войной все переутомлены.

— Достаточно одного поражения, и дело наше кончено, — заявил наш собеседник.

— Где же кроется вина всему этому — социалистическая пропаганда? — спросил я.

— Нет, перетянули народные силы, а пропаганда уже явилась следствием переутомления народа. Вы не забывайте, что всю войну социалисты наши шли с правительством, а позже уже поняли, что оно обмануло народное доверие.

Наш конвоир тащил в своем вещевом мешке большие запасы различных предметов германской промышленности. Все это он задался целью обменять на продукты на Украине и привезти их своей голодной семье.

Если бы только немецкие власти слышали ту ругань, какую расточал этот человек по их адресу... И все это фельдфебель, а что же рядовые?!

5/18 июля. Брест-Литовск.

Ужас. Мерзость запустения. Жителей нет, лишь немцы и немцы. Полуразвалившиеся от недосмотра дома, заросшие громадными кустами сорных трав дворы, шмыгающие через улицы тощие, голодные крысы. Брр! Какой ужас. Куда же девалось живое и энергичное население, которое мы наблюдали в городе в 1913 г. во время своих поездок Генерального штаба в районе будущего развертывания Московской армии?!

В Бресте нас захватила ж[елезно]д[орожная] забастовка, и нам пришлось прожить сутки на этапе.

7/20 июля.

Побывали сегодня у «украинского» комиссара. Странно было смотреть на чистокровного русского офицера, «заделавшегося украинцем». Однако вечером, приняв нас в тесном семейном кругу, он, подогревшийся русской водкой, расточал такие эпитеты по адресу «украинской республики», что я невольно задал ему вопрос:

— Зачем же вы служите ей?

Капитан многозначительно похлопал себя по животу.

Поехали дальше. В 10 ч. были в Ковеле. И этот город производит впечатление какого-то придушенного. Немцев все боятся и ненавидят.

8/21 июля¹⁶.

Вечером прибыли в Бердичев. По дороге встретили какие-то «украинские войска», сформированные в немецких лагерях военнопленных. Офицерство от нас сторонится, а упитанные и щеголевато одетые в «серые жупаны» солдаты на чем свет стоят ругают немцев, «украинское правительство», «пана гетмана» и т. д.

— Только нам добраться бы в Киев, а там поминай как звали, — сообщали нам откровенные солдаты.

На украинской территории мы встретили каких-то чубатых людей со зверскими лицами. Это тоже «украинские войска».

На одной из станций были свидетелями скандала между немецкими и «украинскими» офицерами. Самые уютные столы были пусты, т. к. на них красовалась многозначительная надпись

¹⁶ В документе ошибочно — 20 июля.

по-немецки: «только для немецких офицеров». Является группа чубатых людей и важно рассаживается за этими столами. Следом за ними появляются наглые немецкие офицеры. Скандал чуть не кончился стычкой.

Вообще немцы — полные хозяева на «свободной Украине».

9/22 июля.

Прибыли в Киев. Под конвоем нашего фельдфебеля. Он доставил нас в немецкую комендатуру. Здесь нас любезно встретил немецкий капитан Любер, снабдил удостоверениями, что мы — бывшие военнопленные, возвращающиеся на Дон, и... заявил, что мы свободны.

Когда я вышел из комендатуры, первая мысль была: скорей бежать, а то вдруг немцы передумают...

Тут я вспомнил, что по пути в комендатуру встретил своего сослуживца по штабу дивизии времен нашего пленения. Мой коллега любезно предложил разместиться у него. К нему я и направил стопы, так как иных знакомых в Киеве у меня не было.

Мой коллега со своими приятелями, тоже оказавшимися сослуживцами по дивизии, оказали радушной прием. Накормили такими русскими шами, каких я не ел с января 1915 года, а хозяин снабдил деньгами. У него оказались на этот случай особые кредиты Экономического общества офицеров Московского военного округа, к которому принадлежал и я.

К сожалению, по случаю ж[елезно]д[орожной] забастовки мой багаж застрял в дороге, и я принужден задержаться в Киеве, пока не уладится вопрос забастовки. Перспектива очень не из веселых, но ничего не поделаешь.

Побывал в канцелярии донского представителя ген. Черячукина¹⁷. У него эти дни тоже нет никакой связи с Доном.

17/30 июля.

Живу в Киеве, присматриваюсь к новой для меня жизни; по вечерам фланируем с коллегой и его знакомыми дамами по городу. Боже, какой хаос всюду, развал, пошлость, разврат, гадость. Гетман¹⁸ со сво-

17 Черячукин Александр Васильевич (18.03.1872–12.05.1944) — генерал-майор (позднее — генерал-лейтенант). Представитель Донского казачьего войска при гетмане П. П. Скоропадском (1918).

18 Павел Петрович (03.05.1873–26.04.1945) — гетман Украины (1918).

ими взглядами — это сплошное недоразумение. Уйдут немцы, и все это искусственно возведенное здание рухнет.

Много необычных картин пришлось наблюдать в эти дни, и самое ужасное впечатление произвели две:

1) Разгульная жизнь многих дам из лучших семейств и

2) Офицеры в роли официантов в ресторанах. По поводу последнего нужно сказать несколько слов пояснения. Я всякую работу не считаю зазорной, но роль лакея, по-моему, невыносима. А кроме того: если хочешь быть лакеем, то зачем же выставлять напоказ свою принадлежность к офицерству? Большинство вновь явленных официантов с особым достоинством старается подчеркнуть, что они офицеры: какие-то особые шпоры, рейтузы, длинные ряды орденских ленточек, нашитых по немецкому образцу, а в результате над локтем салфетка и получка «на чай» от тех же самых немецких офицеров и от различных подозрительных личностей...

17/30 июля.

Убит Эйхгорн¹⁹. В городе очень нервное настроение. Немцы сегодня произвели пулеметную стрельбу в центре города.

18/31 июля.

Решил вещи свои не ожидать; поручил их получить своему коллеге, а сам отправился дальше, благо ж[елезно]д[орожное] сообщение возобновилось.

19 июля (1 августа).

Сегодня проезжал через Харьков и Чугуев. В последнем городе прошли лучшие дни моей молодой офицерской жизни. Больно было смотреть на знакомую картину. Здесь столько пережито в свое время, и все это отошло куда-то далеко, далеко. Вон высятся наши казармы²⁰, вон казармы гусар, вон мелькнул полигонный вал, вот дачные места, куда мы делали веселые побеги верхом.

Дальше, дальше, скорее домой!

19 Эйхгорн Герман, фон (13.02.1848–30.07.1918) — прусский генерал-фельдмаршал, глава германской оккупационной администрации на Украине (1918). Убит бомбой-снарядом, брошенной в него боевиком партии левых эсеров Б. М. Донским в Киеве. Подробнее о покушении см.: Боевой восемнадцатый год: Сб. док. и восп. М., 2018. С. 247–259.

20 Речь идет о казармах 3-й Донской казачьей батарее, в которой служил В. В. Добрынин.

22 июля (4 августа). Каменская.

Здесь меня встретила на станции не узнавшая меня жена.

— Приезд откладывается на неопределенное время, — вспомнил я слова последней телеграммы, посланной ей перед гибелью нашего корпуса 28 января 1915 года...

Телеграмма эта была послана мною в отмену сообщения о приезде в отпуск, от которого мне пришлось отказаться ввиду начала боевых действий на нашем фронте, так печально для нас закончившихся...

И дома не избавился от «удовольствия» видеть немецкие рожи: в Каменской стоит немецкий гарнизон.

Ну, это было бы еще полбеды, а вот сюрприз на квартире моей жены окончательно меня обескуражил. Войдя в коридор, я обнаружил на двери, ведущей в одну из комнат, две карточки с немецкими фамилиями. Меня бросило в жар.

— Что это значит? — спросил я у жены.

— Постой по отводу! — лаконически ответила она.

— Ну, голубчик, ты устраивай, как хочешь, но жить под одной крышей с немецкими лейтенантами я не буду. Больно дорого стоило мне удовольствие лицезреть этих господ 3 1/2 года. Дай хоть теперь от них отдохнуть.

На мое счастье оказалось, что оба лейтенанта, немецкие летчики, уехали в Германию в отпуск. Перед отъездом они высказали предположение о возможности их перевода на Западный фронт. Ну, слава Богу!²¹

23 июля (5/VIII).

Как-то не верится, что плен оказался позади, что я дома. Дома! Одно сознание это придает столько радости...

21 Лейтенанты так и не возвратились в Каменскую, и я имел счастье не сталкиваться с ними. Правда, жена и ее сестра старались меня успокоить, и из рассказов их я понял, что немцы вели себя поразительно корректно.

Месяц спустя, когда я поступил в штаб Донской армии, мне иногда приходилось сталкиваться с майором немецкого Генерального штаба Кохенгаузом, являвшимся представителем немецкой главной квартиры на Дону. Это был единственный немец в Новочеркасске. Являясь в штаб армии, он держал себя очень корректно, однако оскомины плена оставила такие неизгладимые следы, что я не мог разговаривать с майором. Лишь теперь, 4 года спустя после плена, это чувство сгладилось. Время сделало свое дело. (Примеч. В. В. Добрынина).

А новостей-то, новостей за это время! Больше печальных, но есть и интересные.

Вот один из оригинальных случаев.

Еще в плену я узнал о рождении у сестры моей жены сына. Сначала мне присылались в плен карточки какого-то маленького человека-куколки. Позже, судя по карточкам, маленький человечек начал расти. Последняя полученная мной в плену карточка ясно свидетельствовала, что мальчуган уже начал ходить.

Моя жена, сосредоточившая все свое внимание на своем маленьком любимце-племяннике, много рассказывала ему обо мне, внушила малышу какое-то сильное чувство любопытства. Ребенку очень хотелось увидеть своего таинственного дядю Вову. Каждое утро, приходя к жене, мальчуган, по рассказам моей жены, задавал обычный вопрос:

— Не приехал еще дядя Вова?

Сегодня, еще лежа в постели, я услышал детский голосок за дверью и голос моей жены.

— Не приехал еще дядя Вова? — спрашивает детский голосок.

— Приехал.

— А где он?

— В моей комнате. Иди.

Через мгновение дверь в мою комнату открылась, и в нее вкатилось какое-то милотвидное маленькое пухлое существо, любопытно смотрящее в мою сторону. Ребенок вошел и остановился, увидев какого-то неизвестного ему нового человека. Еще мгновение, и маленький человечек быстро повернулся и исчез за дверью.

— Мишенька! Куда ты, куда? — услышал я голос моей жены. — Ведь это же дядя Вова.

— После, после! — донесся до меня голос удаляющегося ребенка и топот маленьких детских ножек уже с балкона. Еще мгновение, и хлопнула парадная дверь. Мой незнакомый, но сделавшийся мне милым и близким еще по письмам моей жены «новый человечек», родившийся и ставший на ноги в мое отсутствие, исчез. Лишь после обеда жена привела его. У нас состоялось знакомство, и к вечеру мы уже были друзьями. Малыш показывал мне все свои игрушки, с увлечением взбирался ко мне на спину, когда я по его желанию превращался в лошадь.

Да! Это новая жизнь, новый человек, появившийся на свет в долгие годы моего заключения в германской неволе. А сколько старых известных мне людей за эти 3 1/2 года сошло со сцены. Среди них много дорогих и близких мне лиц...

28 июля (10/VIII).

Быстро катилась извозчицья пролетка от Новочеркаска к родной Заплавской (17 вер[ст] на в[осток] от Новочеркаска).

Старые знакомые места: ровная, выжженная, пыльная степь; влево вдали видны Надаймовские холмы и виноградные сады; вправо — наше громадное живописное займище²². Как и прежде, над займищными вербами гордо вздымается группа «Будановых» тополей. Впереди милая тихая родная станица, с которой связано так много дорогих воспоминаний с[о] времен раннего детства. За эти годы станица разрослась и поползла стройными рядами новых улиц на север к холмам. Все тот же величественный с мягкими красивыми очертаниями заплавский храм.

Лишь окопы, кружевным узором охватывающие станицу со стороны Новочеркаска, являются новостью на старом, известном до самых мелких подробностей прогоне²³, на котором в детстве весной мы пасли овец, а летом по вечерам разыскивали не желающих идти по домам быков и коров распущенной пастухами перед станицей череды²⁴!

Вот родной отцовский дом.

Сегодня ведь у нас престольный праздник — Одигитрия.

Тоже все по-старому. Чистенький, как игрушечка, передний двор, пышно покрытый зеленым покровом «шпариша», между которым красуются грядки ярких, пестрых цветов. Под навесом в строгом порядке стоят дроги, косилка, конные грабли. У будки близ конюшни мирно дремлет старый лохматый цепной пес Жук, откликнувшийся ленивым лаем на лязг защелки калитки; не будь во дворе массы чужого народа, Жук устроил бы большую тревогу, но сейчас он сбит с толка и не знает, на кого ему положено лаять и кого надо встречать радушно. На заднем дворе, как и прежде, бродят полусонные скучающие индюки, в навозной пыли под сараем роются пеструхи-куры, утки лениво разлеглись вокруг зарытых в землю чугунных котлов, наполненных водой; раскрытые двери база²⁵ свидетельствуют о том, что скот еще на пастбище.

22 Займище — луг; от слова занимать участки — «займы» под усадьбы (примеч. В. В. Добрынина).

23 Выгон (примеч. В. В. Добрынина).

24 Черета — стадо; это название происходит от слова черед, очередь — в былое время стадо пасли казаки станицы по очереди (примеч. В. В. Добрынина).

25 Скотского двора (примеч. В. В. Добрынина).

Одним словом, все, все по-старому, как было в середине июля 1914 г., когда я был последний раз дома. Неужели же с того времени прошло бесконечные 4 года?!

На траве у флигеля группа моих старых друзей соседей-казаков со стаканами отцовского натурального вина.

— Что же, вы без меня хотели закончить праздник? — шутя, бросаю я удивленным казакам замечание.

Все они бросаются ко мне, начинается обмен приветствиями, шум, крики, лобызания. Как всегда, появление мое оказалось неожиданным, хотя из донских газет уже было известно о моем возвращении из плена.

В дверях коридора вижу встревоженные лица своих милых стариков, а за ними толпятся «престольные гости» — близкие и родные люди, с которыми меня связывают долгие, долгие годы жизни в станице.

Итак, я дома. Прямо как-то не верится.

Дома, дома! Что ждет дальше — не знаю, а сейчас дома.

Весь плен остался сзади, созданная им горечь отступила прочь, и ее сменили восторг встречи со всем близким и родным, радость появления в отцовском доме, от которых я был оторван более четырех лет.

В. В. Добрынин

ГАРФ. Ф. Р-6838. Оп. 1. Д. 1. Л. 129–141. Автограф.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Российский государственный военный архив (РГВА).

Боевой восемнадцатый год. Сб. док. и восп. М.: Русская книга, 2018. 592 с.

Ганин А. В. «То убожество, которое я встретил в области работы Генерального штаба на Дону, меня поразило». Неизвестное письмо полковника В. В. Добрынина генерал-лейтенанту А. К. Келчевскому от 21 апреля 1922 г. // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: Док. и мат. М.; СПб.: Нестор-история, 2016. С. 54–75.

References

Gosudarstvennyiĭ arkhiv Rossiĭskoĭ Federatsii.
Rossiĭskiiĭ gosudarstvennyiĭ voennyĭ arkhiv.

Boevoĭ vosemnadtsatyĭ god. Sb. dok. i vosp. Moscow: Russkaia kniga, 2018, 592 s.
Ganin, A. V. «To ubozhestvo, kotoroe ia vstretil v oblasti raboty General'nogo shtaba na Donu, menia porazilo». Neizvestnoe pis'mo polkovnika V. V. Dobrynina general-leitenantu A. K. Kelchevskomu ot 21 apreliã 1922 g. *Kul'turnoe i nauchnoe nasledie russkoĭ emigratsii v Chekhoslovaĭskoĭ respublike: Dok. i mat.* Moscow; Saint Petersburg: Nestor-istoriia, 2016, s. 54–75.

Andrey V. Ganin

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Poland, Ukraine and Russia in 1918 in the diary
of Colonel V. V. Dobrynin

This is a publication of fragments of the diary of Colonel V. V. Dobrynin about his return from captivity through Poland, Belarus and Ukraine to the Don in the summer of 1918. V. V. Dobrynin is a Don Cossack, an artilleryman and an officer of the General Staff, a participant in the Russo-Japanese War, World War I and the Civil War. In 1920, he emigrated from Russia to Yugoslavia, and later to Czechoslovakia. Even before the revolution, Dobrynin wrote a book about the participation of his battery in the Russo-Japanese War, and in emigration he gained fame as a military researcher, author of dozens of academic works. The diary of V. V. Dobrynin was found in the collection of the State Archive of the Russian Federation. The document is interesting as evidence of an eyewitness and participant in the events. The author of the diary describes in detail his life in German captivity, where he ended up in early 1915, his release from captivity, his travel impressions and his return to his homeland. He pays special attention to the life of Ukraine under the rule of hetman P. P. Skoropadsky. Dobrynin vividly describes his stay in Kiev, as well as his interaction with representatives of the Ukrainian authorities. The publication focuses on the final part of the officer's diary.

Keywords: *Civil war in Russia, Ukraine, Poland, White movement.*